

Знаешь, открою тебе маленький секрет. На днях меня пригласят в “Доброе утро”, будут поздравлять с юбилеем. К выступлениям я никогда не готовлюсь. Но! Я подумал: а что я могу очень коротко сказать в качестве резюме многих прожитых лет? И обозначил для себя так: назову ту доску почета, которая для меня является безусловной.

— Что вы имеете в виду?
— Имею в виду всего пять-шесть фамилий. Но это люди, которым я готов отдать все. В первую очередь это жена. Сразу же за ней идет внучка. Потом — мой друг...
— А дочка?
— А-а-а... Знаешь, как принято говорить: по comment. Затем: конечно же, благодетель мой и спаситель Евгений Иванович Чазов, которому я по гроб жизни буду благодарен. Об этом обязательно напиши. Благодаря ему, собственно говоря, я и выжил. У меня же инфаркт был... На съемках детской передачи на Шаболовке вдруг стало плохо. И, значит, меня оттуда: ши-и-ть, и непосредственно в Петроверигский переулок, в кардиологический центр. Когда в клинике лежал, мне профессор сказал: “Если хоть один раз закурите, ко мне можете больше не обращаться”. В то время ведь дымил как паровоз — прикуривал одну сигарету от другой. А сигары! Самые дорогие, самые лучшие мог себе позволить — с Кубой-то мы дружили. Вот нужно мне было довести себя до полного самоуничтожения, чтобы понять: дальше нельзя... Нет, я для Чазова — пациент интересный. Вот ведь как: думал, доживу максимум до 70, а сейчас 75 размениваю, и вроде ничего, да?

— Да в полном порядке, Олег Андреевич.
— Есть еще один человек, который мне почти никто. Тоже обязательно его назови. Валерий Алексеевич — он сразу поймет, о ком идет разговор. Какой тоже принял в моей жизни участие, не рассчитывая ни на какую мзду. А я ответил ему, казалось бы, черной неблагодарностью. Хочу сказать: для этого были очень-очень серьезные причины.

— И это вас до сих пор мучает?
— Очень. Можешь сразу извиниться за меня...
— Так вы сами уже это сделали.
— Да, я прошу у него прощения. Скажу честно, я достаточно одинокий человек. У меня и друзей-то никогда не было. А вот на старости лет появился друг, которому я могу доверить в жизни все. Был еще один друг, в юности. Но он воспользовался тем, что я... Знаешь, как говорят: не доверяй другу часы, жену и что-то там еще. Вот я доверял ему и попал в неприятную историю. Жена сама пришла и сказала: “Ты что, таких друзей нельзя в дом пускать”.
— Потом как-то разобрались с ним, по мужски?
— Нет. Один раз он попытался восстановить со мной отношения. Пришел на мой концерт, подождал на выходе. Но... Такие вещи не прощаются, я считаю. А вот сейчас наступило такое счастливое время, когда спустя огромное количество лет я подружился с человеком. Моложе меня. Но по сути — очень добрым, светлым. Поэтому: жена, друг мой, внучка любимая, одна причем...
— Вторая-то чем провинилась?
— Младшая — это кошка, которая гуляет сама по себе.
— Что ж, вся в дедушку.
— Нет, другая. Она просто никого вокруг себя не хочет видеть. Со всеми вежливая, со мной не ссорится. Но и не звонит. Я про нее ничего не знаю, она — про меня. Придет ли на юбилей? Может быть, придет. А может, и нет.

■■■■

— У меня несколько лет назад книжка вышла — единственная, которую написал, — называется “Солдат и балерина”. Вот в этом названии, как мне кажется, я весь.
— В чем солдат? Или боец?
— Боец в работе.
— То есть ради дела стены головой може-

те прошибать?
— Нет, этого я не могу. Но я не позволю ни себе, ни другим быть не тем, что есть на самом деле. Не просто там певец или актер... Если я знаю, что он сволочь, он для меня сволочью и останется.
— И вы скажете ему об этом в лицо?
— Да. Что и приносит мне массу неприятностей. Ну если я народного артиста в 74 года получил...
— Из-за своей любви к правдорубству со многими коллегами перессорились?
— А я не встречаюсь с ними. Раньше часто ссорился, и после замечаний, а мне почему-то всегда делали замечания личностного характера...
— Например?
— “А, подумаешь, нашелся тут Станиславский. Сам еле-еле говно, а меня критикует”. Но! Что дает право думать так? Это интервью я даю не то чтобы с болью в сердце, но просто 75 лет — пора уже говорить то, что думаешь. Ты можешь прочитать книжку мою, там есть портреты некоторых коллег. То, что я написал о Плятке, можно считать поверхностным и немножко, как бы сказать, “неглиже с отвагой”. Ну там: “Обаятелен сатанински, то-то, то-то...” Но: “...жаден, хитер...” То есть я говорил о тех чертах, которые знал в нем. Хвалебных слов о Плятке было предостаточно. А вот, например, о том, что у него невозможно было занять и десяти рублей, что он никого не пускал в свою душу, был холоден, расчетлив...
— Когда вышла книга, многие на вас обиделись?
— Нет, разве что Жженов. Потому что очень коротко о нем написал. Кстати, до сих пор не знаю, как правильно произносится его фамилия: “Жженов” или “Жжёнов”. Потому что по-русски два “ж” произносятся мягко: вожжи, дрожжи. При встрече знакомимся. Я говорю: “Анофриев”, он: “Жженов”. “Вы неправильно произносите свою фамилию”, — и добавляю про два “ж”. В ответ с холодным взглядом: “Фамилия произносится так, как того хочет хозяин”.
— Скажите честно, не любите коллег по цеху?
— Подавляющее большинство.
— А за что?
— За то, что многие занимают не свое место. Не по рангу.
— А вас за что любить нужно?
— А чего меня любить? Неудобный человек. Преуспевающий, несмотря ни на что. К профессии актера относящийся, как к ремеслу. Чтобы ты понял по сути, скажи мне, пожалуйста: для того чтобы играть на скрипке, как Ойстрах, что нужно?
— Ну что, не знаю: талант, трудолюбие...
— Нет, для этого нужно быть Ойстрахом. А Тютюкин какой-нибудь не сможет так сыграть, как бы он ни старался. Так вот: замечательно исполнить роль в кино может каждый. При хорошем режиссере. Феллини же доказал это. Брал с улицы чуть ли не площадных дам и делал из них кинозвезд. Делал, понимаешь? Режиссер — это профессия, актер — ремесло.
— Многие актеры, в отличие от вас, говорят об этом ремесле как о высоком искусстве.
— Ну да: иначе люди очень быстро догадываются, что ты ничего из себя не представляешь. Есть ряд актеров, фамилий не стану называть, которые ну никакого права не имеют на то, что они делают в кино, в театре. Актер, у которого нет ни голоса, ни темперамента, слывет чуть ли не великим русским артистом.
— Ну вот: теперь я начну соображать, о ком это вы.
— Ну давай так, причем можешь со мной тут же не соглашаться. Вот, пожалуйста, тебе конкретный случай. Прихожу я, воспитанный на лучших традициях МХАТа, в Театр Станиславский, смотрю “Живой труп”. Где Федю Протасова играет явно острохарактерный отри-

Говорить правду в лицо — удел немногих. Анофриев уверен, что это право он заслужил. На пороге 75-летия, дескать, глупо стесняться того, что думаешь. Он и не стесняется. Блестящий артист. Неудобный, колкий, язвительный человек. Нелюбовь с коллегами по актерскому цеху у него взаимна вполне. Любовь к себе — переменчива. Но это за сценой. Зрителям, которые слушают его добрые, жизнеутверждающие песни — “О друге”, “Есть только миг”, “Песня Трубадура”, — невдомек, что происходит в душе артиста. А там, быть может, ангел и бес рвут друг друга на части.

ШЛОХОЙ

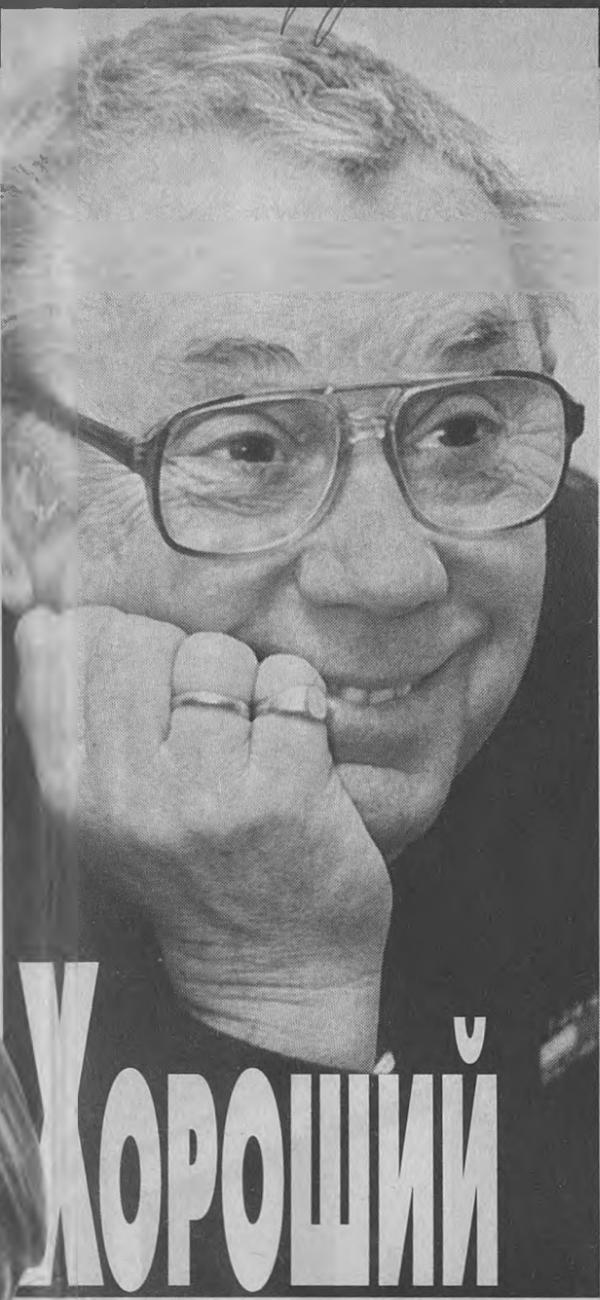

Олег АНОФРИЕВ:
“Оборать, обматерить — для меня за удовольствие”

ЖОРОШИЙ

ЧЕЛОВЕК

— Из-за всего. Из-за того, что предложили не ту роль. Из-за того, что приготовили не тот обед. Из-за того, что маленький гонорар. Не моего ранга.
— То есть под горячую руку вам лучше не попадаться?
— Ну что ты: поорать, обматерить — любо-дорого. Жена ненавидит мат. Но даже она уже не обрывает внимания, если меня вдруг понесло. Знает: через несколько минут этот шарик: п-ф-ф-ф... спустится сам. Больше скажу: если кому-то очень захочется меня убить или посадить в тюрьму, сделать это будет просто. Надо при мне оскорбить дорогого человека: жену или внучку — людей, которые сами себя защитить не смогут. Без разговоров полезу в драку, на нож, куда угодно. Такие случаи бывали: несколько раз бросался, жена повисала на мне как груша...
— Алкоголь — серьезная проблема для творческой личности?
— Да нет, была бы серьезной, я бы, наверное, выглядел немножко по-другому. Ты же видишь: никаких мешков особенно под глазами нет. Ну печень немножко увеличена. Но, может быть, в моем возрасте она такой и должна быть. Запой? Ну случались, конечно. Но непродолжительные — дня на три, не больше.
— Ну это в общем-то серьезно.
— Ну да, выпивал я как следует. И со мной могло произойти все самое худшее. Только благодаря своей супруге и выскочил.
— Взяла в ежовые рукавицы?
— Просто вовремя за задницу схватила и куда надо посадила. Знаешь, есть такие места, где вроде ты еще и не совсем пропавший человек, но уже можешь таким оказаться.
— Спектакли доводилось срывать?
— Бывало. Ну подумаешь — написал, не явился на спектакль, за меня Ромашин сыграл...
— Выговором отделались или того хуже?
— Должны были уволить. Ну что: я только перешел в Театр Маяковского. Был ужасно оскорблен: обещали Хлестакова, а играть приходилось какие-то жуткие второстепенные роли. Все это, понятное дело, сказывалось на настроении. И вот как-то раз накушался и не пришел на спектакль. А на следующий день, конечно: сбор трупы, и — “до свидания”. Но Николай Павлович Охлопков (худрук Маяковки. — Авт.) понял меня, сам очень хорошо поддавал. И сначала он вынул из меня все кишки, а потом простил. Охлопков вообще наказывал и прощал по-царски...
— А почему вы ушли из театра на вольные хлеба?
— Я не люблю быть пятым, седьмым. Люблю быть только первым.
— Так вы одиночник?
— Абсолютно. Еще со студенческих лет понял, что никакого коллектива быть не может. Что любой тебя схрумкает, пройдет острыми каблуками, не задумываясь ни секунды. Это условие игры.

■■■■

— Правда, что во второй части “Бременских музыкантов” вы не приняли участия из-за того, что элементарно не сошлись в цене?
— Не только. Нельзя в одну реку войти дважды. Сказал тогда: “Ребята, не тешьте себя”. “А мы и не тешим”, — отвечают, — просто на отзвук хотим сделать деньги”.
— Ну и вы могли бы подзаработать?
— Нет — они не взяли меня в соавторы. В смысле гонорара. И опять же в сути этого вопроса столько несправедливости. Хотя, если говорить о деньгах, то их я люблю бескорыстно.
— Как там у вас атаманша пела: “...А я денежки люблю!” Взаимная хоть любовь?
— Не всегда. Но я не позволяю деньгам опускаться ниже определенного уровня. Очень многие актеры опускаются до уровня массовщика — человека, который за 3 копейки услаждает сытых мира сего. Нет, я тоже их услаждаю. Но я хоть за это деньги беру достойные. Знаешь, как еще актеры говорят: “Это плата за позор”.
— В вашей жизни такого позора было много?
— А я отношусь к этому не как к позору. Меня унижить нельзя, потому что свое ремесло я выполняю на высшем уровне... Мне тут рассказали недавно

историю, которая запала в память. Пригласили как-то певицу, самую-самую нашу приму...
— Пугачеву?
— Я не знаю. Это ты сказал. Ну вот: и она назвала, условно говоря, 50 тысяч долларов. Ей говорят: “Понимаете, это многовато для нас. Можно 40?” — “Нет, 50”. — “Ну трудно, поймите...” — “Я сказала 50 — все”. Женщина, которая общалась с певицей, говорит: “Хорошо”. А про себя добавила: ну я тебе устрою. Прима эта приехала, за столиками сидели богатые люди, она спела свои песни. И во время исполнения села на стол, вот так: нога на ногу. Едва она закончила петь, прямо у нее на глазах к тому столику подошла официантка и мильной губкой стала его вытирать, а потом постелила новую скатерть. Вот это уже позор.

■■■■

— С удивлением для себя прочитал, что в своей деревне вы являетесь чуть ли не церковным старостой...
— Уже нет.
— Разжаловали?
— Никто меня не разжаловал. Тут опять-таки сказался характер. Рядом с деревней, где я живу, была выстроена часовня Бориса и Глеба. До того я посещал храмы, но довольно редко, а в эту часовню что-то сразу потянуло. Она была настолько неухоженная, пустая, что во мне заговорили, наверное, мои самые лучшие человеческие качества. Иисус Христос сказал: никогда не говори о том, что ты сделал для Бога, — самая дорогая твоя отдача, если о ней никто не знает. Поэтому и говорить-то не очень хочется. И все же. Как-то раз соседи, которые уезжали в город, оставили мне два мешка лома от киотов. И в течение зимы я восстановил две иконы...
— Сами?
— Да, у меня же мастерская в подвале. Мое царство дорогое, любимое. Что ты! Ну я не знаю: 20 или 30 плоскогубцев, 20 или 30 круглогубцев, сверлильный станок, точильный станок... Короче говоря, в этой часовне появились вот эти две иконы. Сами полотна я купил: в один киот вставил Бориса и Глеба, в другой — Сергия Радонежского, и они очень здорово украсили часовню. Потом еще одну икону приобрел — Николая-угодника греческого письма. А еще как-то раз один пьянчужка из деревни принес кучу металла. Посмотрел: что такое — горшок, не горшок? Когда восстановил, оказалась такая лампадица! Просто красавица! И настолько я этим увлекся, стал чуть ли не каждый день ходить туда. Если нужно было подежурить — я дежурил. В итоге хозяйка храма сказала: будете нашим церковным старостой. Я говорю: не имею права... Но в принципе мой дедушка был церковным старостой на Старом Арбате, в какой-то церкви. Помню, будучи пациентом 10-летним, изуродовал одну икону, на которой была дочка: “Церковному старосте, Сергею Яковлевичу Анофриеву от благодарных прихожан”.
— В общем, решили продолжить фамильную династию.
— Да. Но потом получилось так, что хозяйка попросила у меня ключи. На время. И эти ключи оказались у какого-то слесаря, чуть ли не мусульманина. Это не имеет значения, но в данном случае, для храма, имеет. А мне их отдать потом она забыла. Забыла на неделю, на две, на месяц. И вот я обиделся и перестал туда ходить. Конечно, не прав. Храм уже открыт, а я никак не могу переступить его порог. Ну неправильно это, понимаешь.
— А в какую-то другую церковь ходите?
— Нет. Я сейчас переезжаю в другую деревню, и там замечательная часовенка Иоанна Златоуста, с чудесным иконостасом, алтарем. Как-то раз заглянул туда, думаю: а моя-то бедная часовенка лучше. Вот должен переселиться себя и, наверное, начну туда ходить. Ну не могу я без этого... Вот говорили мы с тобой: дескать, много грехов. Ну да, правильно, было. Но, считая, сохранил самое главное. Вот ты видел, как меня сегодня встречали? (Наш разговор состоялся после концерта Анофриева. — Авт.) Это же не просто оценка моего мастерства или голоса. Это еще и та самая честь смолоду. Так что...